

Петр Бухаркин

Санкт-Петербургский государственный университет
Филологический факультет
Кафедра истории русской литературы
199034, г. Санкт-Петербург
Университетская наб. 11

В. Н. Перетц – особый взгляд на историю русской литературы XVIII века

В статье рассматривается картина литературной жизни России XVIII века, созданная в работах В. Н. Перетца (1870–1935). Основное внимание уделяется той перспективе, в которой ученый рассматривал этот период и его хронологическим границам.

Ключевые слова: В. Н. Перетц, XVII, XVIII, XIX века, русская литература, силлабический стих, В. К. Тредиаковский, поэтика.

Vladimir Peretz – A Peculiar View on the History of 18th Century Literature

The paper considers the picture of Russian literary life in the 18th century created in the works of Vladimir Peretz (1870–1935). Special attention is given to the perspective in which the scholar investigates this period and to the chronological boundaries of the period in question.

Keywords: V. N. Peretz, 17th, 18th, 19th centuries, Russian literature, Ukrainian literature, syllabic verse, V. K. Trediakovsky, poetics.

Научный облик профессора Элизы Малэк бесспорно имеет «лица необщее выражение» (Боратынский); филологические интересы и исследовательские предпочтения ученого уже давно обеспечили ей *свое* место в европейской русистике. Вместе с тем, литературоведческие занятия Э. Малэк вовсе не изолированы от общего движения славистики; самобытность органично сочетается в ее трудах с укорененностью в определенных традициях, наиболее значимыми из которых являются (что более чем естественно) традиции польской науки; в недавнем петербургском докладе *Русская литература XVIII века*

в исследованиях польских славистов второй половины XX века¹ она ясно очертила этот, так сказать, «домашний», контекст собственных исследований. Одновременно с этим Э. Малэк, также с достаточной степенью отчетливости, связана и с русской литературоведческой парадигмой – той, что заложил в начале XX века В. Н. Перетц. С ней она сопряжена не только типологически, здесь имеет место и вполне прямая генетическая связь: в бытность в молодые годы в Петербурге (тогда – Ленинграде) Э. Малэк занималась в семинаре по древней русской литературе Н. С. Демковой, которая является своего рода ученицей В. Н. Перетца; конечно, не непосредственной, а – во втором поколении: Н. С. Демкова сформировалась под особым воздействием И. П. Еремина и В. П. Адриановой-Перетц, наряду с Н. К. Гудзием – возможно, наиболее состоявшихся учеников Перетца. Поэтому мне и показалось весьма уместным предложить в юбилейный сборник профессора Элизы Малэк статью о значении работ В. Н. Перетца для современного осмысления русской литературной жизни середины XVII–XVIII столетий.

1.

Нельзя сказать, чтобы В. Н. Перетц и его труды (так же как труды его учеников) пребывали в зоне забвения. Крайне высокая при жизни, в частности и у таких агрессивных модернистов как формалисты², репутация Перетца оставалась прочной и во второй половине XX столетия, когда ученый был реабилитирован и о его заслугах вновь можно было говорить³. С достаточной степенью отчетливости осознан и вклад В. Н. Перетца в изучение русской словесности XVIII столетия; уже достаточно давно П. Н. Берков в известном

¹ Этот доклад был прочитан Э. Малэк на Международной научной конференции «Русская литература XVIII столетия в науке XX века», посвященной 80-летию Отдела русской литературы XVIII века ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, которая состоялась в Санкт-Петербурге 2 и 3 октября 2014 года.

² Целый ряд представителей ОПОЯЗа занимался у В. Н. Перетца в Петроградском университете. Их отношение к ученому в достаточно полной мере отражают отзывы о нем в мемуарной прозе В. Каверина, при всей своей ироничности весьма уважительные. Стоит обратить внимание и на тот факт, что некоторые близкие в 1920-е годы к русскому формализму филологи были прямыми учениками Перетца – например, Б. А. Ларин; очень многое сближает с Перетцом и учеников формалистов, особенно В. М. Эйхенбаума, таких как Б. Я. Бухштаб, С. А. Рейсер, И. Г. Ямпольский; вообще крайне высокий профессионализм ленинградского литературоведения 1930–1950-х годов в области текстологии, источниковедения, библиографии etc. в его сочетании с вниманием к поэтике не в последнюю очередь обусловлен влиянием школы Перетца – в качестве одной из характерных здесь фигур (уже более позднего времени) может быть названа К. Д. Муратова, ученица С. Д. Балухатого, выученика В. Н. Перетца.

³ См.: В. Н. Перетц, *Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI–XVIII веков*, Москва-Ленинград 1962; книгу заключает очерк В. П. Адриановой-Перетц *Владимир Николаевич Перетц* (с. 206–233). Также: Н. К. Гудзий, *Памяти учителя*, «Русская литература» 1965, № 4.

Очерке литературной историографии XVIII века высоко оценил его заслуги в данной области⁴. Но при такой несомненной признанности, В. Н. Перетц – и вообще, и как исследователь литературного движения XVIII века – остается не то чтобы недооцененным, однако все же недостаточно осознанным в своей научной актуальности. Недаром в том же *Очерке*... П. Н. Беркова Перетц оказывается в прямом соседстве с В. В. Сиповским⁵. Вместе с тем, как представляется, ему можно найти место и в другом ряду знаменитых филологических имен его эпохи, таких, например, как А. А. Шахматов, Ф. Ф. Зелинский, И. А. Бодуэн де Куртене, Л. В. Щерба; в В. Н. Перетце следует видеть не просто замечательного собирателя фактов, обогатившего русскую славистику ценнейшими материалами, но и ученого, обновившего методологию филологического анализа текста, обновившего вполне в соответствии с требованиями времени. Применительно же к русскому XVIII веку Перетц создал картину его литературной истории несколько иного порядка, чем та, что доминировала в литературоведении XX века – причем, не только русском. У него была, если так позволительно выразиться, «своя» русская литература XVIII столетия. Правда, предложенный Перетцом эскиз словесности XVIII века был, все же, именно и только эскизом, о концепции здесь говорить вряд ли стоит; отдельные наблюдения и положения ученого не были им систематизированы и в эксплицированную концепцию не вылились. Но, развитый учениками Перетца, этот эскиз сохраняет свою востребованность и поныне: работы целого ряда современных нам ученых показывают важность и продуктивность того видения литературной истории XVIII века, которое проявлялось – пусть в отрывочном, мерцающем виде – в трудах В. Н. Перетца. С чем же оно – это видение – было связано и какой характер имело?

Прежде чем перейти к попытке дать ответ на эти вопросы, вновь повторю: В. Н. Перетц не эксплицировал, подобно Л. В. Пумпянскому или Г. А. Гуковскому⁶, собственную концепцию литературного развития XVIII века. Рассуждая о встающей за совокупностью конкретных исследований В. Н. Перетца общей его картине, мы опираемся не на развернутые построения, а скорее на те ракурсы, в которых он рассматривал этот период, на контексты, куда он его помещал, на используемую им периодизацию. Эти ракурсы, контексты и периодизация в целом одни и те же в разных его работах, поэтому едва ли каждая из основных книг В. Н. Перетца, посвященных данному периоду, дает

⁴ П. Н. Берков, *Введение в изучение истории русской литературы XVIII века*, ч. 1: *Очерк литературной историографии XVIII века*, Ленинград 1964, с. 152–153.

⁵ В известной мере характеристики Перетца и Сиповского даются в книге П. Н. Беркова как параллельные, см.: там же, с. 152–155.

⁶ Имею в виду, прежде всего, работу Л. В. Пумпянского *К истории русского классицизма* (1923–1924), полностью опубликованную Н. И. Николаевым в 2000 году (Л. В. Пумпянский, *Классическая традиция. Собрание трудов по русской литературе*, Москва 2000, с. 30–157) и книгу: Г. А. Гуковский, *Русская литература XVIII века*, Москва 1939.

определенные – и достаточно весомые – основания для суждения о его общих представлениях. В качестве такого, так сказать, базового труда можно назвать 3-й том его *Историко-литературных исследований и материалов*, имеющий подзаголовок *Из истории развития русской поэзии XVIII в.*⁷

Это достаточно характерная для него книга: в частности, она отмечена обилием фактических материалов; многие ее страницы наполнены пространными цитатами, перемежающимися краткими комментариями: «В этой книге, может быть, слишком много сырого необработанного материала»⁸, – писал сам ее автор в «Предисловии». Немало в ней есть и спорных, и просто устаревших положений, и слишком резких характеристик (например, В. К. Третьяковского). Однако, несмотря на эти недочеты – недочеты с высоты нашего времени, правда, высоты более чем относительной, – представления В. Н. Перетца о путях русской словесности XVIII столетия проявились в 3-м томе «Историко-литературных исследований и материалов» с бесспорной степенью полноты; они отчетливо проступают сквозь фактографические узоры его изложения.

2.

Несколько моментов кажутся особенно существенными. Так, принципиально важно свойственное В. Н. Перетцу отчетливое понимание гетерогенности литературной жизни второй половины XVII–XVIII столетия: в ней постоянно взаимодействовали европейские культурные начала, активно усваиваемые в то время, традиционная (или, может быть, традиционалистская) словесность, так или иначе, но относительно прямо восходящая к православному славянскому Средневековью, и фольклор. По-своему не менее исторически продуктивен и ярко выраженный комплексный характер перетцевского подхода к изучению истории литературы, во многом обусловленный только что сказанным. Создавая картину литературной жизни XVII–XVIII веков, ученый активно привлекал данные истории церкви и церковной культуры, истории театра, фольклорный материал и, едва ли не в первую очередь, – факты истории литературного языка: литературовед, фольклорист, театровед, церковный историк, лингвист счастливо в нем сочетались.

Однако в этой работе, памятуя отмеченное выше, я хотел бы остановиться на двух несколько других аспектах предложенного В. Н. Перетцом видения интересующего нас культурно-исторического периода. Во-первых, он видел словесность русского XVIII века и тот тип литературной культуры, в пределах которого она функционировала, в прямой исторической перспективе – от прошлого к будущему; Перетц взирал на XVIII столетие, так сказать, из

⁷ В. Н. Перетц, *Историко-литературные исследования и материалы*, т. III: *Из истории развития русской поэзии XVIII в.*, Санкт-Петербург 1902.

⁸ Там же, т. III, с. III.

Средневековья. Само по себе это более чем резонно, однако начиная с 1930-х годов в русской (впрочем, не в одной русской) науке утвердился иной подход – ретроспективный, когда литературное движение XVIII века виделось из века XIX; оно рассматривалось сквозь призму позднейшей литературы, которую оно же и подготовляло.

Оставляя в стороне очевидные достоинства подобного подхода, может быть с наибольшей ясностью представленного работами Г. А. Гуковского и его учеников (например, Г. П. Макогоненко или И. З. Сермана) и восходящего, как представляется, к рецепции XVIII века его ближайшими наследниками и продолжателями, такими как К. Н. Батюшков, В. А. Жуковский, П. А. Вяземский и, конечно же, А. С. Пушкин, обращу внимание на то, что давали (и продолжают давать) исследователю аналитические установки В. Н. Перетца. В их свете, в частности, более ощутимым становилось сохранение и в XVIII веке особого восточнославянского единства – не прежнего, каким оно было в эпоху Киевской Руси, но совсем особого, проблематичного, но, тем не менее, вполне ощутимого современниками этой эпохи и открытого вдумчивым ее историкам. Киевское единство уже бесповоротно распалось; новое же взаимоотношение с позиций позднейшей литературы почти не заметно и, главное, малорелевантно. Но при взгляде на XVIII век из словесности прошлой центрированные тенденции восточнославянской словесной культуры того времени начинают проступать, пусть и не в отчетливом своем виде. Это предоставляет для изучения литературных событий русского XVIII века дополнительный и весьма важный материал, в частности требует их помещения в украинский литературный контекст. Сам Перетц так и поступает: смену силлабического стиха силлабо-тоническим в России он видит на фоне эволюции украинского силлабического стиха, происшедшей под сильным воздействием стиха народного и давшей – прежде всего у Т. Шевченко – более мягкий вариант силлабо-тоники, вариант, если так позволительно выразиться, сохранивший память о собственном силлабическом прошлом. Такая параллель дает основание для некоторой переоценки реформы русского стиха Третьяковского–Ломоносова, демонстрируя наличие иных путей преобразования силлабики по сравнению с тем, что был выбран великороссами.

Для В. Н. Перетца украинская литература XVII–XVIII веков – литература вполне суверенная; и украинский извод старославянского языка воспринимается им также как иной по сравнению с изводом великорусским, т. е. как в некотором роде отдельный язык. При чем начало такого независимого развития датируется Перетцом примерно рубежом XIV–XV веков:

Литературное движение обнаруживается на юге лишь 150–200 лет спустя после погрома (татарского. – *П.Б.*), когда новые условия жизни создали новую интеллигенцию [...]. Последняя, под влиянием новых культурных условий и литературных воздействий извне, творит новую литературу, на первый взгляд как будто даже не имеющую связи

со славяно-русской традицией первых веков, и при том на новом литературном языке, отражающем крупные перемены в звуках и формах живой речи, завершившиеся в течение XIII–XV вв. Только в половине XVII в. эта новая украинско-белорусская литература вторгается в течение самостоятельного развития московской литературы, также успешней за указанное время значительно отойти и в идейном, и в формальном отношении от литературы домонгольской⁹.

Однако, будучи самостоятельной по отношению к словесности великорусской, украинская литература XVII–XVIII веков русской не посторонняя; она не предмет внешнего сопоставления, а материал, демонстрирующий альтернативные сюжеты дальнейшего литературного развития. Во всяком случае, так разрешают думать многие отдельные высказывания ученого и частные его аналитические сопоставления. В чем тут дело, и с какими культурными феноменами мы здесь сталкиваемся – этого Перетц не объясняет¹⁰. А объяснение требуется – ведь перед нами не единство генетического порядка: великорусская и западнорусская литературы, по Перетцу, такое генетическое единство уже потеряли.

Надо сказать, что отсутствие у Перетца пояснений по данному поводу представляет особый интерес: дело в том, что с позиций современной науки возможно дать необходимые разъяснения (конечно, гипотетические), что в лишней раз обнажает актуальность перетцовских построений. Очевидно, по мнению ученого во второй половине XVII столетия произошла трансплантация украинской словесной культуры в великорусскую¹¹, трансплантация, не лишившая их обеих достигнутой уже обособленности, но, вместе с тем, соединившая две *разных* литературы в единство нестрогого порядка. Возникло своего рода Восточнославянское Commonwealth, некое культурное содружество наций, в определенной – впрочем, крайне отдаленной – степени напоминающее содружество византийское, описанное Д. Оболенским¹² (с крайне существенными отличиями, в первую очередь связанными с отсутствием неоспоримого культурного гегемона, которым в Византийском Содружестве была, естественно, сама Византия).

Это Восточнославянское Commonwealth, достаточно быстро трансформируясь и разлагаясь, сохранялось, в известном смысле, вплоть до Гоголя, в котором, несмотря на сделанный им выбор в пользу русского языка, Перетц

⁹ В. Н. Перетц, *Краткий очерк методологии истории русской литературы*, Москва 2010, с. 176–177.

¹⁰ Вновь уместно вспомнить, что В. Н. Перетц не высказал свою концепцию литературного движения XVII–XVIII веков в сколько-нибудь развернутой и аргументированной форме.

¹¹ О возможности такого взгляда на московскую литературную жизнь середины – второй половины XVII века см.: П. Е. Бухаркин, *История русской литературы XVIII века (1700–1750-е годы)*, Санкт-Петербург 2013, с. 30–40.

¹² Д. Оболенский, *Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов*, Москва 2012.

видел писателя, во многом вскормленного украинской (по его выражению – малорусской¹³) литературной почвой¹⁴. Лишь потом произошел окончательный его распад¹⁵.

3.

Второе, на что мне хотелось бы обратить внимание, связано с представлениями В. Н. Перетца о хронологических границах литературы XVIII столетия и о ее месте в русской литературной истории. Совершенно очевидно, что Перетца особенно занимала литература перехода – от Средневековья к Новому Времени. В этом переходном литературном периоде он – первый в русской филологической науке – увидел не случайный временной отрезок, а именно определенный период, целостный и завершенный, имеющий некое макроисторическое значение и могущий быть осознанным в качестве историософского понятия. Такое восприятие изучаемой эпохи поставило Перетца перед необходимостью выделить ее конститутивные признаки. Их Перетц искал в поэтике, которую он трактовал очень широко, обнаруживая созвучия с позднейшими риторическими и герменевтическими ее трансформациями: «История литературы изучает развитие форм, в которые отливается мысль поэта в разные времена. Под „формой“ мы разумеем всю совокупность средств художественной объективизации – язык, стиль, приемы композиции, сюжеты, – вообще все средства, с помощью которых идея поэта получает осязательное бытие и приобретает способность вызывать в читателе и слушателе соответственные (хотя и не тождественные с авторскими) эмоции»¹⁶, – писал он в своем знаменитом *Кратком очерке методологии истории русской литературы*. Исходя из подобной – весьма современно звучащей – установки, Перетц и предложил в своих работах характеристики многих особенностей литературы этой эпохи.

¹³ Ныне понятия «Малороссия», «малорусский» («малороссийский») воспринимаются как унижающие национальное достоинство Украины и содержащие в себе идею ее вторичности по отношению к России (Великороссии). Для поколения Перетца, во всяком случае для него самого, дело, скорее всего, обстояло иначе: величайший знаток средневековой украинской книжности, он, вероятно, использовал данные понятия в значении, какое они имели в старинной письменности Западной Руси. См. об этом значении: Ю. Шевельов, *Назва «Україна»*, [в:] он же, *Вибрані праці*, кн. 1: *Мовознавство*, Київ 2009, с. 421–431.

¹⁴ См.: В. Н. Перетц, Гоголь и малорусская литературная традиция, [в:] *Н. В. Гоголь: Речи, посвященные его памяти в публичном соединенном собрании Отделения русского языка и словесности Академии наук и Историко-филологического факультета С.-Петербургского университета 21 февраля 1902 г.*, Санкт-Петербург 1902, с. 47–55.

¹⁵ Такой подход унаследовали от него и его ученики: в качестве примера можно указать на достаточно известную (и позднюю – конца 1950-х годов) статью Н. К. Гудзия: Н. К. Гудзий, «Энеида» И. П. Котляревского и русская трагестроированная поэма XVIII в., «Вестник Московского университета» 1950, № 7, с. 127–143). Также в данной связи следует вспомнить целый ряд беглых, но глубоких суждений И. П. Еремина о той же *Энеиде*, содержащихся в его брошюре 1952 года: И. П. Еремин, *Иван Петрович Котляревский*, Москва 1952, с. 8–14).

¹⁶ В. Н. Перетц, *Краткий очерк методологии...*, с. 48.

При этом, в отличие от абсолютного большинства филологов, обращавшихся (да и обращающихся ныне) к этому периоду истории русской литературы, Перетц очерчивал его границы очень просторно; в особенности это относится к нижнему хронологическому рубежу, к завершению литературы Раннего Нового времени. Он вообще избегал окончательного и точного его определения, включая в него, например, творчество В. К. Третьяковского. Представления Перетца о данном периоде истории русской литературы примерно через полвека отразилось своеобразным эхом у Д. Чижевского (кстати сказать, вероятно посещавшего Киевский семинар Перетца). Но с одним, причем крайне существенным, различием: Чижевский видел в авторах эпохи барокко завершение древнерусской литературы, воззрения же Перетца можно интерпретировать совершенно иначе. Вполне вероятно, даже более чем вполне вероятно, он видел в литературном движении второй половины XVII – первой половины XVIII века (а возможно – и второй его половины) не последний этап средневековой письменности, а отдельную эпоху – период глубинной переориентации русской культуры и, соответственно, перестройки ее внешнего облика, которые происходили и в Западной Руси (т. е. в Украине), и в Великороссии, причем чем дальше, тем более расходились пути литературного развития восточнославянских народов. Поэтому он избегал точных датировок, очевидно полагая, что некоторые и более поздние литературные явления типологически могут быть отнесены к данному периоду. Лишь к началу XIX века переходная эпоха завершилась, что, в частности, привело к бесповоротному разграничению двух – русской и украинской – литератур и к окончательной утрате восточнославянского литературного (добавлю – и языкового) единства. Это и было для Перетца концом XVIII века. А его началом – середина XVII столетия. Так что XVIII век Перетц понимал (воспользуясь современным обозначением) как «долгий», включая в него и Раннее Новое время (т. е. эпоху Алексея Михайловича и Петра I), и середину XVIII века, и начало века XIX, вплоть до Котляревского и Гоголя. Как видим, украинские пристрастия петербургского академика определенно проявились в обозначении им хронологических границ того периода, который он с особой тщательностью и таким успехом изучал.